

Живое прошлое

НЕЛЕГИТИМНОЕ НАСИЛИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

К.А. Соловьев

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: В статье подвергнуты анализу случаи применения нелегитимного насилия в Древней Руси (X–XII вв.). Выделены две модели нелегитимного насилия, источниками которого могли выступать княжеские и вечевые структуры власти. Рассмотрены три вида нелегитимного насилия, применяемого в отношениях: между князем и территориальной (родовой) общиной; династических-междукняжеских; а также в отношениях между князем и его окружением.

Ключевые слова: историческая политология; нелегитимное насилие; история власти; Древняя Русь.

Легитимное насилие — одна из важнейших характеристик государственной власти. В соответствии с общепризнанной концепцией М. Вебера только государство имеет признанное населением право применять насилие в целях защиты интересов личности, общественных групп или всего населения [Вебер 1990: 645]. Отметим, что эта концепция была разработана для уже сложившегося государства. В обществах же с формирующимися государственными структурами (а именно такой была Древняя Русь в X–XII вв.), картина выглядит значительно более сложной. Государство возникает не на пустом месте. Оно замещает собой структуры родового общества. Соответственно, в течение всего периода замещения, в сознании населения, существует диссонанс двух властных моделей и двух принципов применения насилия: родового и государственного. Применительно к Древней Руси, это модели вечевого и княжеского насилия, причём и то, и другое было естественным (необходимым, легитимным) до того исторического момента, когда княжеское насилие стало признаваться единственно правильным, выражающим характер сформировавшегося государства. Произошло это, в большинстве русских земель, только в XV в. (а в Пскове — в начале XVI), а до того княжеское и вечевое насилие долгое время существовали параллельно, то в согласии, то в конфликте.

И вечевое, и княжеское насилие имели собственные признаки легитимности, хотя проявлялись они по-разному. Неодинакова и степень их очевидности. Вечевое насилие, чаще всего, проявлялось в противостоянии князя и городской общины. Для вечевого насилия важнейшими признаками были: а) принятие решения о насильственных действиях имеющимся на данный момент большинством и б) его немедленное исполнение теми, кто принял. Самые

распространённые формы легитимного вечевого насилия — это изгнание князя из города и разграбление имущества его слуг. При этом вечевое насилие трудно квалифицировать по признаку легитимности, поскольку, будучи прямым действием, оно не закрепляется в процедурах. Решение, принятое одним большинством, может быть признано неправильным, если сложится другое большинство. Представители княжеской власти и церкви, чья позиция чаще всего находила отражение в летописании, оценивали вечевое насилие негативно. Позиция же «вечников» отражена только в летописных сводах имеющих новгородское и псковское происхождение. Отсюда — привычная трактовка вечевого насилия как бунта (негативные коннотации) или восстания (позитивные коннотации), то есть насилия нелегитимного.

Признаки княжеского легитимного насилия более отчётливы. Первый признак: оно (первоначально) действует только в военной и судебной сферах. Второй — оно применялось в соответствии с «рядом» — договором, заключённым между князем и вечевыми территориальными (племенными) структурами. Третий — оно принимало традиционные формы, в рамках признанных обычаев [Соловьев 1999: 37–56]. Постепенно, по мере разрастания практики управления, пределы княжеского легитимного насилия расширялись (захватывая сферу верований), а само насилие вводилось в рамки определённых процедур, первой из которых было полюдь. Рассмотрим три разных типа нелегитимного насилия, связанного, прежде всего с проявлениями княжеской власти.

Нелегитимное насилие в конфликте князя и веча

Первым случаем *конфликта* двух систем легитимного насилия — вечевого и княжеского — вероятно, можно признать конфликт между великим князем Киевским Игорем (нарушившим процедуру полюдь) и древлянами, с последовавшими, за убийством князя, событиями. Вот как этот конфликт описан в «Повести временных лет»:

В лѣто 6453. Ркоша дружина Игоревѣ: «Отроци Свѣнделжи изодѣлѣся суть оружьемъ и порты, а мы нази. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешъ и мы». И послуша ихъ Игорьъ, иде в Древа в дань, и примысляше къ пѣрвой дани, и насиляше имъ и мужи его. И возмъ дань и поиде въ свой городъ. Идуцю же ему въспячь, размысли, рече дружинѣ своей: «Идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожо еще». И пусти дружину свою домови, с маломъ же дружины възвратися, желая болшая имѣнья. Слышавше же древляне, яко опять идеть, съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще ся въводитъ волкъ въ овцѣ, то относить по единой все стадо, аще не убьютъ его; тако и сий, аще не убьемъ его, то вси ны погубить», И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорьъ, и шедше из города Искоростѣня противу древляне и убиша Игоряи дружину его, бѣ бо ихъ мало» [Повесть временных лет... 1997].

Выход великого князя за пределы своих полномочий (и легитимности), проявляется здесь в намерении взять вторую дань «желая болшая имѣнья», что противоречило и ряду с древлянами фиксировавшему количеству дани и, что немаловажно, его функции судьи и защитника. В приведённом фрагменте эта коллизия семантически выражена оборотом «насиляше имъ». Действия великого князя, по сбору новой, дополнительной дани было воспринято как насилие неправильное и, как бы мы сейчас сказали, нелегитимное.

Ответ древлян стал тоже нелегитимным действием, поскольку после провала переговоров, древляне напали на князя именно с целью его убить, а не изгнать. И это было намеренным убийством, а не инцидентом, в сражении. Попыткой древлян преодолеть кризис легитимности власти стало отправление посольства с предложением заключить династический брак: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Маль и Святослава, и

створимъ ему, якоже хоцемъ» [Повесть временных лет... 1997]. Заметим, это не попытка вернуться в условное «правовое поле», поскольку этого поля ещё не существует. Это стремление ввести ситуацию в русло обычаев и традиций — династического брака.

На это Ольга ответила насиліем, представленном в «Повести временных лет», в формах архетипической мести землёй и огнём, распространённых у индоевропейцев (славян, скандинавов, германцев) дохристианской поры [Гуревич 1994: 150; Бучилина 2008: 299–303]. Одновременно, военный поход войск Киева на Древлян имеет черты великокняжеской легитимности. Он представлен в летописании, как вновь совершаемое завоевание Древлянской земли наследником Игоря, великим князем Святославом:

В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многи и храбры, и иде на Деревьскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемъшемася обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на древляны, и копье летѣвъ сквози уши коневи и удари в ноги коневи, бѣ бо велми дѣтескъ. И рече Свенгелдъ и Асмудь: «Князь уже почаль, потягнемъ, дружино, по князи» [Повесть временных лет... 1997].

Но ни месть, ни военный поход не могли привести к ликвидации кризиса легитимности великокняжеской власти, если иметь в виду отношения не межплеменные, а государственные. Настоящим преодолением кризиса стали действия Ольги по размежеванию властных полномочий и земельных владений, сначала в Древлянской земле, потом и на других территориях:

«И иде Олга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляючи уставы и урокы, и суть становища ея и ловища ея. ... И устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань, и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменія и мѣста и погосты» [Повесть временных лет... 1997].

Семантический стержень этого фрагмента летописного рассказа — корень «устав» («правила»). Утверждая *правила* сбора дани и владения «ловами» (местами охоты), Ольга проводила предварительную работу по формированию правовых норм во взаимоотношениях между властью и населением. Таким образом, легализация полномочий власти (перевод их из сравнительно неопределённых норм, регулируемых обычаем, в сферу права) позволила не только преодолеть кризис легитимности, но и купировать одну из постоянных угроз применения нелегитимного насилия.

Типологически схожая ситуация возникла в начале XI века в Новгороде в отношениях между князем Ярославом Владимировичем (с его варяжской дружиной) и новгородцами. По сути это был микро-кризис легитимности, сформировавшийся на фоне другого — общего кризиса, вызванного нелегитимными действиями князя Святополка Окаянного, пытавшегося присвоить власть великого князя. Поэтому проявления нелегитимного насилия по линиям князь-князь и князь-вече, мы будем рассматривать вместе, с большим вниманием к междукняжеским отношениям.

Нелегитимное насилие в междукняжеских отношениях

Отношения внутри династии Рюриковичей были конфликтными на протяжении всей истории Руси. Но при разрешении этих конфликтов насилие применялось, как правило, лишь в ходе военных действий. Убийство князя не в сражении, сразу же выводило убийцу или убийц из сферы легитимности. Так, в описании убийства князя Ярополка Святославича, по сговору между его братом, князем Владимиром и воеводой Блуда, летописец постоянно упо-

требляет выражения: «с лѣстью глаголя», «лая лѣсть чловѣчьская», «лукавоваше на князя лѣстью», а семантика «лести» [Повесть временных лет... 1997], в данном случае, вероятнее всего отправляет читателя к книге пророка Даниила: «И восстанет на место его презренный, и не воздадут ему царских почестей, но он придёт без шума и лестью овладеет царством» [Дан.: 11, 21]. Правда пафос осуждения (в данном случае) летописец направляет больше на Блуда, воеводу-изменника. Но само осуждение, от этого, не исчезает (особенно если помнить о ещё одной цитате из книги Даниила: «Поступающих нечестиво против завета он привлечёт к себе лестью» [Дан.: 11, 32]), а лишь усиливается в том месте, где говорится о женитьбе Владимира на вдове убитого брата.

События в 1015–1016 гг., происходившие после смерти Владимира Святославича, тоже вывели княжескую власть за пределы легитимного насилия. Дружина Владимира предложила стать великим князем Борису Владимировичу, но тот отказался, не желая идти на конфликт со старшим братом. А вот князь Святополк Окаянный совершил втайне подготовленное убийство конкурента, что вошло в противоречие и с родовой традицией честного вооружённого противостояния и новой, только формирующееся традицией христианского поведения. Вслед за этим, согласно традиционной версии древнерусского летописания, последовали убийства ещё двух сыновей Владимира, князей Глеба и Святослава. Убийство брата в борьбе за власть — действие не менее архитипическое, чем месть Ольги за убитого мужа. Но — не в христианском мире. Прозвание Окаянный, данное Святополку летописцем — отчётливый знак неприятия его действий новым для Руси христианским сознанием. И не менее очевидный признак открывшейся для врага Святополка — Ярослава Владимировича возможности построить свою легитимность не на мотивах мести (архетип древности), а под покровительством святых-страстотерпцев (складывающийся архетип).

Другие признаки выхода Святополка за пределы легитимности княжеской власти, не связанные непосредственно с христианской моралью, на наш взгляд, таковы: а) при совершении убийств были использованы наёмники; б) нападение на братьев было личным решением князя, принимаемым вне установленных процедур, никак не связанным с поступками жертв; в) они были нацелены на устрашение и дезорганизацию других возможных претендентов на власть. При этом убийство Бориса ставило киевлян в безвыходное положение: они должны были признать своим князем Святополка, не желая того. Всё это складывается в характеристику княжеского нелегитимного насилия, которое применялось в конкурентной борьбе за власть, без военных действий и вне суда (который невозможен для представителя правящей династии).

Действия Святополка не оставили Ярославу Владимировичу, княжившему тогда в Новгороде, никаких других вариантов действий, кроме вооружённого сопротивления. И более того, это сопротивление, осенённое образами безвинных жертв, становилось частью политики, не только правильной, но и праведной, чему способствовало, в дальнейшем установление и распространение культа святых благоверных страстотерпцев Бориса и Глеба. Но в это же самое время сам Ярослав балансировал на грани легитимности в своих отношениях с новгородцами. Вот как развивались события в описании «Повести временных лет»:

«Ярославу же не вѣдущую отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородьцемъ. И, вѣставша на нь, новгородьци избиша варязи въ дворѣ Поромони. И разгнѣваясь Ярославъ и, шедь на Рокъмь, и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородьцемъ и рече: „Уже мнѣ сихъ не крѣсити“. И позва к собѣ; нарочитая мужа, иже бяху исъсѣкли варязи, и обльсти я сице, исѣче их 1000. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы: „Отець ти умерль, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, уби Бориса и по Глѣба посла, а ты блюди сего повелику“» [Повесть временных лет... 1997].

Кризис, вызванный взаимным нелегитимным насилием, налицо. Его разрешением стали переговоры Ярослава с новгородцами, изложенные буквально в двух фразах: «И утре слезь и рече имъ на вѣчѣ: „Отець мой умерль, а Святополкъ сѣдить в Киевѣ, избивая братью свою“. И рѣша новгородьцѣ: „Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть, можемъ по тобѣ бороти“» [Повесть временных лет... 1997]. Эти две фразы представляют собой начало (фраза Ярослава) и конец (ответ новгородцев) переговоров, но не дают представление о том, каким образом Ярослав сумел добиться, если не прощения, то своего рода «забвения» совершенных убийств и помощи в борьбе с киевским князем. В Новгородской Первой летописи под 1016 г., встык, идёт описание конфликта Ярослава с новгородцами, его борьба со Святополком и Краткая редакция «Русской правды», — первого сборника законов Древней Руси. Начинается «Правда Ярослава», как известно, статьей об убийстве: «Убиет муж мужа...» [Новгородская летопись... 1888: 84; Новгородская Первая летопись... 1950: 176], то есть тем деянием, во-круг которого разгорелся (и чем продолжился) кризис легитимности власти Ярослава в Новгороде.

Таким образом, можно говорить о том, что выход из ситуации кризиса легитимности и здесь состоял в том, что на смену ситуативным решениям, вырабатываемым под влиянием эмоций и ориентированных на традиционные (или даже архетипические) поступки, приходят *отношения права*. Легальность власти становится главной опорой её вертикальной (по отношению к населению) легитимности. Но не в отношениях горизонтальных — между членами правящей династии, не подлежащими суду, поскольку князья сами были источником права. Здесь действовали другие подходы. Во-первых, в истории XI в. отчётливо читается стремление установить правила соправления членов династии, в форме распределения «столов»¹. Другим подходом стало формирование и укрепление культа святых-страстотерпцев Бориса и Глеба в XI–XII вв. А это, в свою очередь, вело к возможности новых трактовок проявлений как легитимного, так и нелегитимного насилия. Наиболее ярким примером последнего стало ослепление Василка Требовальского в 1097 г.

События развивались следующим образом: после нескольких леи междоусобиц, осложнённых регулярными приходами половцев в русские земли, князья собрались в Любече, закрепив крестным целованием распределение «столов»:

«Каждо держитъ очьчину свою: Святополку — Киевъ Изяславль, Володимерь — Всеволожу, Давыдь и Олегъ, Ярославъ — Святославлю, имъже раздаять Всеволодь городы: Давыдови Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Теребовль <...> Василькови» [Повесть временных лет... 1997].

Элементы легитимности в описании съезда князей и его решений таковы:

- на съезде были представлены все старшие князья — внуки Ярослава Мудрого и два его правнука — Ростиславичи;
- решение было совместным, как сейчас бы сказали — консенсусным;
- за основу выработанного решения была принята отчинная традиция — воля Ярослава и его сына Всеволода, в бытность того великим князем Киевским;
- решение закреплено обрядом крестоцелования и этот крест, в последующих событиях использовал Василько Требовальский («И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози челоуѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковыми вои узвышыиися вельми» [Повесть временных лет... 1997]).

¹ Первый случай такого соправления: раздел древнерусских земель между Ярославом и Мстиславом Владимировичами, второй: правление Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей.

Но решения, принятые по взаимной договорённости и не закреплённые законом, предполагавшим ответственность за несоблюдение договора, легко было нарушить. Что и произошло, причём не в легитимной форме воинского противостояния (как это бывало с другими договорённостями), а в формах нелегитимного насилия. В последующем летописном рассказе, записанном со слов свидетеля событий (боярина? воеводы?) Василия упомянуты две такие формы.

Первая: князь Давыд Игоревич оклеветал перед великим князем Киевским Святополком князя Василко Требовальского и великий князь приказал Василко пленить и ослепить, выдав затем князю Давыду. Пленение одного князя другим в сражении — легитимная форма княжеских взаимоотношений. Пленение коварством и хитростью, а тем более ослепление — нет, что и выражено, в «Повести...» словами князя Владимира Мономаха: «Сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ наших, ни при отцихъ наших, сякого зла» [Повесть временных лет... 1997].

Решение об ослеплении отсылает нас к истории скандинавских конунгов и, в частности, к «Саге об Эймунде» [Древняя Русь и Скандинавия... 1978: 89–104], в которой упомянут ослепленный Олавом Святым (старшим современником Ярослава Мудрого) конунг Ререк. Это действие можно трактовать как прямое воздействие христианской морали на древний архетип «убийство брата». Убить не позволяет новая мораль. Ослепление — своеобразный компромисс между моралью и политической (архетипической) целесообразностью, что не придаёт этому действию легитимности. «Неправота» (нелегитимность) ослепления одним князем другого была столь очевидна, что впоследствии Святополк перекладывал вину на Давыда:

«И рече Святополкъ: „Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хошеть убити и зяяти волость твою ... И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель и к собѣ“». А Давыд, в свою очередь, отрекался от своей роли в этом деле: «Ци я се створилъ, ци ли у моемъ городѣ? Язъ и самъ боялься, аще быша и мене не яли и створили то же. Неволя ми было пристати свѣту ихъ, ходящу в рукахъ ихъ» [Повесть временных лет... 1997].

Вторая же форма нелегитимного насилия стала ответом на первую. Но это уже насилие совсем иного рода: Василко и его брат Володарь, мстя князю Давыду Игоревичу, осадили принадлежавший тому городок Всеволож и разорили его:

«Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ городъ и зажьгоста огнемъ, и выбѣгоша людье от огня. И повелѣ Василко вся исѣщи, и створи Василко мышценье на людьхъ неповинныхъ и проля кровь неповинну» [Повесть временных лет... 1990].

Мсть населению за действия князя противоречит даже древним архетипам (Ольга мстила древлянам, а не князю Малу) и создаёт прецедент для нелегитимного насилия в будущем, но это тема отдельного исследования.

Инициативу по преодолению кризиса легитимности, грозившего вызвать всё новые и новые формы насилия (как легитимного, так и нелегитимного) пришлось взять на себя Владимиру Мономаху. И в процесс ликвидации последствий этого кризиса были вовлечены все князья принимавшие участие в Любеческом съезде, а также мать Мономаха «Всеволодова вдова», «молившая» сына не мстить Святополку Изяславичу, митрополит, киевское духовенство, вечевые собрания Киева и других городов. Точка в этой истории была поставлена на съезде в Уветичах (1100 г.), ссылкой князя Давыда Игоревича в Дорогбуж. Но условия для исключения (или хотя бы ограничения) возможности использования насилия в междукняжеских отношениях, созданы не были. Что и провоцировало, раз за разом, применение как леги-

тимного, так и нелегитимного насилия, в борьбе за земли и власть, вплоть до ослепления великого князя Василия Васильевича в ходе Феодалной войны.

Нелегитимное насилие в отношениях между князем и его окружением

Одной из самых ярких форм именно такого типа нелегитимного насилия, стало убийство великого князя Андрея Боголюбского. Само убийство и его последствия подробно изложены в Ипатьевской летописи: 20 заговорщиков, в ночь с субботы на воскресенье 28 июня 1175 г. ворвались в покои князя и убили его «мечи и саблями, и копиинья язвы даша ему» [Повесть об убиении... 1997]. На то, что это было не спонтанное решение, и заговор готовился уже какое-то время, указывают сразу несколько деталей. Первая из них — количество вовлечённых в убийство. Вторая — совещание заговорщиков («совет лукавых»), толчком к которому стало распоряжение Андрея казнить брата Якима, названный в «Повести...» слугой великого князя «възлюблены имъ». Сама речь Якима к «братии» («Днесь того казнилъ, а насъ завутра, а промыслимы о князѣ семь») свидетельствует (возможно) о панике среди заговорщиков, решивших, что их заговор открыт и потому вынужденных действовать быстро: «И пришедъши ноши, они же устрѣмивъшеся, поймавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрьє свѣрьпии...». И, наконец, *третья деталь*: переговоры заговорщиков, после совершения убийства, с представителями городской общины Владимира: «...и скупиша полкъ, и послаша къ Володимѣрю: „Ти что помышляете на насъ? А хочем ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ!“ И рѣкоша володимѣрьци: „Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ“» [Повесть об убиении... 1997]. В этом фрагменте, на наш взгляд, отчетливо проявляется запланированный характер действий заговорщиков — их «дума».

«Дума» ближайшего окружения Андрея (один из заговорщиков — Амбал — ключник великого князя, руководитель заговора и его активные деятели — это Петр «зять Кучкович» и собственно сами Кучковичи, родственники Андрея по его первой жене), с частью «дружины Владимира» (то есть владимирских бояр) — самое важное свидетельство намеренного выхода части элиты Владимирской земли из легитимного поля, для защиты своих интересов и, возможно, жизни.

Почему это могло произойти — таких ответов источники не дают. Но та же Ипатьевская летопись сообщает нам о том, как поступил князь Андрей Юрьевич, утвердившись во Владимиро-Суздальской земле. Под 1062 г. в ней значится запись: «... выгна Андреи епископа Лео-на ис Суждаля и братью свою погна, Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца свои переднии. Се же сотвори хотя самовластец быти всеи Суждальской земли» [Ипатьевская летопись... 1998: 520]. Эти события, никак не отраженные во владимирско-суздальском летописании (Суздальской летописи и Переславского летописца, где под тем же годом стоит запись «Не бысть ничто же» [Летописец Переславля Суздальского... 1995: 90]) показывают нам, как Андрей Боголюбский сам сузил пространство собственной легитимности. Термин «самовластец», использованный в летописи, может быть трактован и в духе византийской традиции, как «самодержец». Но может пониматься и как тиран. Великий князь, отказавшись подкрепить свою власть авторитетом династии, не захотел опереться на бояр, служивших его отцу, начал конфликт с церковными иерархами. Какие ещё элементы традиционной легитимности у него оставались, если учесть, что с вечевыми структурами старейших городов этой земли — Ростова и Суздаля — он иметь дела не хотел? Ответ — только его личная харизма, самый ненадёжный из всех инструментов легитимности.

Другими словами, действия по расширению прав великого князя, за счёт прав всех других политических акторов, привели к ликвидации, за ненадобностью, горизонтальной леги-

тимации власти. Вертикальная легитимность поддерживалась, как традиционными средствами (в «Повести об убиении...» много слов о строительстве и украшении великим князем церковью и его «нищелюбии»), так и силой дружины. Но недовольство элиты, лишённой участия во власти, создало почву, на которой возросло желание устранить князя-тирана. Андрей Боголюбский попал в зависимость от верности его ближайших сподвижников, которые также не имели ни прав на участие в управлении, ни гарантий безопасности. И поскольку легальных способов изменить характер тиранической власти не было, то оставались только два выхода: легитимный — дожидаться естественной смерти князя (от старости, болезней или в бою) и нелегитимный — его убийство. Показательно, что в дальнейшей истории понятие (настоящего или мнимого) заговора бояр или придворных актуализировалось именно в связи усилением личной тиранической составляющей власти: во времена Ивана III, Ивана IV, в Смутное время, в XVIII веке, в 30-е–50-е годы XX века.

* * *

Таким образом, мы видим, что в Древней Руси существовало несколько видов нелегитимного насилия. Первая (по времени) его форма — насилие в ходе взаимодействия князя и территориальной общины (коллизии Игорь-древляне, Ярослав-новгородцы). Вторая: насилие в ходе княжеских междоусобиц (ослепление Василко Требовальского). И третья — насилие представителей правящей элиты по отношению к собственному князю (убийство Андрея Боголюбского). Устранение возможностей для применения нелегитимного насилия первого вида стало возможно, при расширении поля легальности для управленческой деятельности великого князя. Те формы взаимодействия власти и населения, которые регулировались законом, были ограждены от применения нелегитимного насилия, как с той, так и с другой стороны.

Второй вид насилия — в междукняжеских отношениях — не был (и не мог быть) урегулирован законом. Поэтому насилие одного князя по отношению к другому регулярно воспроизводилось в XII–XV веках. А вот условия для актуализации нелегитимного насилия третьего вида в XIII–XIV веках не складывались, во многом из-за того, что изменились условия функционирования власти князей, попавших под политическое влияние Орды и вынужденных, в подспудной борьбе за легитимность, опираться на боярскую элиту, а не конфликтовать с ней.

Бучилина Ю.Н. 2008. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции. — *Вестник Нижегородского университета*. — Т. 5.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. — М.: Прогресс.

Гуревич А.Я. 1994. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов. — *Понятие судьбы в контексте разных культур*. — М.: Наука.

Древняя Русь и Скандинавия... 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. — *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978*. — М.

Ипатьевская летопись... 1998. Ипатьевская летопись. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 2. — М.: Языки русской культуры.

Летописец Переславля Суздальского... 1995. Летописец Переславля Суздальского. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 41. — М.: Археографический центр.

Новгородская летопись... 1888. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 3. — СПб.

Новгородская Первая летопись... 1950. *Новгородская Первая летопись Младшего извода*. — М.-Л.

Повесть временных лет... 1997. Повесть временных лет. — *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1. XI–XII века. — СПб.: Наука. — Доступно: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>. — Проверено: 13.03.2015.

Повесть об убиении... 1997. Повесть об убиении Андрея Боголюбского. — *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 4: XII век. — СПб.: Наука. — Доступно: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4937>. — Проверено: 13.03.2015.

Соловьев К.А. 1999. *Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси*. — М.: Университетский гуманитарный лицей.